

И. Железнов

Уральцы

**Часть 2. Очерки быта
уральских казаков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Железнов**
Уральцы: Часть 2. Очерки быта уральских казаков / И. Железнов – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 369 с.

ISBN 978-5-458-17326-1

ISBN 978-5-458-17326-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Какъ теперь смотрю на сѣдаго и согбеннаго старика, тихо и молча расхаживающаго по набережной Гурьева городка, и безпрестанно смотрящаго за Уралъ, въ ту сторону, гдѣ течетъ р. Соколокъ (*), берега которой, въ былое время, часто оглашались боевыми криками и обогрѣлись кровью казакъ и лютыхъ враговъ ихъ Киргизовъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ этотъ старикъ, прошло ужь болѣе пятнадцати лѣтъ, но степенный и грозный видъ его рѣзко напечатлѣлся въ моей памяти, и я никогда не забуду храбраго и безстрашнаго Василья Ивановича Струняшева, истаго казака уральскаго. Въ послѣднее время, какъ я узналъ его, ему было уже за восемьдесятъ лѣтъ, — но старость, измождивъ тѣло, согнувъ въ дугу станъ, нѣкогда стройный и высокій, пощадила однакожь его память и не со-

(*) Соколокъ—рукавъ Урала съ лѣвой стороны. Онъ отдѣляется отъ него противу Кандауровскаго форпоста, въ тридцати верстахъ отъ взморья.

всѣмъ уничтожила блескъ глазъ его, которые иногда свѣтились, какъ у юноши. Страненъ и причудливъ былъ характеръ Струняшева. Всѣ, знавшіе или видѣвшіе его, согласятся со мной: а кто изъ Гурьевцевъ не зналъ старика Струняшева, который со всѣми былъ какъ свой, какъ родной? Иногда онъ былъ молчаливъ, угрюмъ, строгъ и дикъ, какъ медвѣдь, иногда же говорливъ, безпечень не по дѣтамъ и веселъ какъ дитя.

Бывало, опершись на посохъ, Струняшевъ по цѣлымъ часамъ, какъ истуканъ, стоялъ на одномъ мѣстѣ и не сводилъ глазъ съ Киргизской степи—свидѣтельница его геройскихъ подвиговъ, его романическихъ приключеній, —свидѣтельница смерти роднаго его брата, который, въ борьбѣ съ Киргизами, сложилъ свои кости не погребенными на чужбинѣ. Воспоминаніе о братѣ, погибшемъ за него же, какъ увидимъ ниже, сильно тревожило старика и не разъ заставляло его вытирать рукавомъ халата слезы, какъ бы невольно выкатившіяся по впалымъ его щекамъ и бѣлой, какъ лунь, бородѣ.—Вотъ въ эти-то минуты Струняшевъ былъ неприступенъ, звѣремъ смотрѣлъ въ землю, а ежели случалось изрѣдка взглянуть на людей, то не иначе, какъ изъ подлобья,—никому не отвѣчалъ на вопросы, хотя бы заговорилъ съ нимъ самъ отецъ Кипріянь, всѣми уважаемый гурьевскій священникъ;—даже, пришедъ домой, онъ не удостоивалъ ни однимъ словомъ молодую казачку, которая ухаживала за нимъ, какъ за род-

нымъ дѣдомъ, и которую онъ любилъ какъ родную внучку. Эта казачка была вовсе чужая Струняшеву, но онъ любилъ ее больше роднаго дѣтища, больше всего на свѣтѣ. И не диво: она была внучка его невѣсты, его ненаглядной Даши, на которой не суждено было ему жениться, но которую онъ не оставялъ любить и за гробомъ. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Наконецъ, время печали, время тоски и кручины минуется, взоръ Струняшева просвѣтляется, языкъ развязывается и старикъ дѣлается молодцомъ, такимъ удалымъ, безопаснымъ и веселымъ казакомъ, какимъ онъ былъ съ молоду, лѣтъ за пятьдесятъ назадъ. Въ эти счастливыя минуты можно увидѣть Струняшева и въ кругу молодыхъ казаковъ, и на веселомъ пирѣ свадебномъ, и даже въ дѣвичьихъ хоровахъ,—словомъ, вездѣ, гдѣ гуляетъ и веселится безопасное казачество. Вездѣ, какъ говорится, Струняшевъ былъ на своемъ мѣстѣ. Молодымъ казакамъ онъ рассказывалъ про былое, бранное время, про наѣзды хищныхъ Киргизовъ, про жаркія дѣла, въ которыхъ храбрые Уральцы громили враговъ своихъ; научалъ молодежь, какъ ловчѣе бить неприятеля пикою, какъ удачнѣе и вѣрнѣе стрѣлять изъ винтовки, и прочее, и прочее. Въ бесѣдѣ съ людьми пожилыми онъ трактовалъ о хозяйствѣ, о рыболовствѣ, о сѣмѣ, о томъ, и, странное дѣло—самъ онъ подъ конецъ жизни не имѣлъ, какъ говорится, ни кола, ни двора, а рѣчи его о хозяй-

ствѣ были такъ складны, такъ основательны, такъ справедливы, что никто не смѣлъ имъ не вѣрить.— Не отставалъ онъ и отъ пировъ и вечеровъ разгульныхъ, гдѣ всегда принимали его радушно, усаживали на первое почетное мѣсто. Тутъ онъ, хотя и не пилъ ни водки, ни вина, а былъ, такъ сказать, душею собранья; веселымъ шуткамъ и разнообразнымъ побасенкамъ, разумѣется, всегда насчетъ мужей-простофиль и женъ-хитрыхъ лисицъ, не было конца, и всѣ смѣялись до слезъ.

Посѣщая дѣвичьи хороводы, старикъ Струняшевъ и въ нихъ принималъ, хотя не прямое, но за всѣмъ тѣмъ не послѣднее участіе. Не смотря на преклонныя лѣта и сѣдые волосы Струняшева, присутствіе его въ хороводахъ ни кому не было въ тягость, а напротивъ, давало поводъ къ разнымъ шуткамъ и острогамъ насчетъ стараго холостяка.—Струняшевъ, какъ рыцарь, не былъ женатъ; въ томъ помѣшали ему, какъ самъ онъ говорилъ, судьба да поганые басурманы.—Бывало, какая-нибудь *востроглазая*, какъ называлъ Струняшевъ всѣхъ вообще дѣвушекъ, подбѣжить къ нему, схватить его за руку, и, заливаясь дѣтскимъ смѣхомъ, скажетъ:

— Дѣдушка хорошенькій! давай рябымъ (въ горѣлки) играть; будь моей парочкой.

— Спасибо, востроглазая, отвѣчаетъ Струняшевъ.—Радъ бы душой, да не могу; видитъ Богъ—не могу!

— Отъ чего не можешь, дѣдушка пригоженькій?

— Невѣста увидитъ, моя кралячка, и крѣпко пожуритъ меня за это.

— А гдѣ твоя невѣста?

— Тамъ, голубушка, скажетъ съ непритворной грустію Струняшевъ, и укажетъ посохомъ или на небо, или въ поле за городъ, гдѣ возвышаются слюдовые холмы, осѣненные крестами и надгробными памятниками.

— Какъ же быть-то мнѣ, дѣдушка? опять заговорить плутовка, съ видомъ притворнаго горя.— Вѣдь я тебя больно люблю.

— И хорошо дѣлаешь, моя куропаточка, моя сѣренькая жавороночка, отвѣчаетъ Струняшевъ.— Если ты полюбишь, то и тебя полюбятъ.

— Кто-жь меня полюбитъ?

— А вотъ, сказать примѣромъ, хоть онъ.

Съ послѣднимъ словомъ Струняшевъ укажетъ на одного изъ казачатъ, но укажетъ такъ мѣтко, что дѣвушка, дотолѣ съ нимъ шутившая, вспыхнетъ какъ полмя, зарумянится какъ заря утренняя, и убѣжитъ въ хороводъ, проговора сквозь зубы: «ахъ, онъ старый хрѣнь! какъ онъ все знаетъ?»

Но такое житье-бытье, по словамъ самого Струняшева, было не житье для него, а что-то въ родѣ того.—На вопросъ: какъ поживаешь? Струняшевъ, бывало, съ грустію отвѣчаетъ: «да никакъ, право слово, никакъ, вѣдь я давно ужъ не живу; все хороше прожилъ, а теперъ, видно, за грѣхи мои, просто-на-просто не живу, а коротаю свой горькій

вѣкъ. — А вотъ, присовокупляетъ старикъ, если случится когда какая завороха, сирѣчь тревога, походъ на Киргизовъ, — ну, тогда дѣло яное, — тогда я словно перерождаюсь, молодѣю, лѣтъ тридцать съ плечъ стряхиваю. Да что объ этомъ говорить? заключаетъ старикъ. — Это случается рѣдко. — Нынѣ времена не такія, орда поганая присмирѣла, — « *Джаикъ-Урусъ* (*) не свой братъ ».

Дѣйствительно, случись тревога, по поводу какого-нибудь киргизскаго набѣга, Струняшевъ первый явится на сборное мѣсто, но къ сожалѣнью, не на конѣ и не съ копьемъ, какъ въ прежнее время, а пѣшкомъ и съ клюкой въ рукѣ. Старость и дряхлость, убивъ силы, лишили его истиннаго, ни чѣмъ незамѣнимаго удовольствія — сразиться съ Киргизами и отмстить имъ за всѣ утраты, которыя онъ повесъ чрезъ ихъ хищничество, — отмстить за смерть брата, тѣнь котораго, кажется, всегда была предъ его глазами. Нади братъ его въ открытой битвѣ, онъ бы и « охъ » не сказалъ. Но братъ его погибъ измѣннически отъ рукъ басурмановъ, — и потому Струняшевъ во всю жизнь питалъ величайшую ненависть къ Киргизамъ, и на каждомъ шагу старался вредить имъ.

Вотъ раздался по городу звукъ колокола, возвѣщающій сборъ казаковъ для ратнаго дѣла. Одинъ за

(*) Джаикъ-Урусъ по-киргизски значитъ: Уральскій, т. е. Явцкій казакъ. У Киргизовъ Уральцы до сихъ поръ называются этимъ именемъ.

однимъ, съѣзжаются казаки на площадь передъ домомъ гурьевскаго атамана. Наконецъ собрались все, и съ мѣста не трогаются. Подумаешь, что не готовъ еще атаманъ, или не все собрались казаки, но атаманъ давно уже стоитъ на крыльцѣ въ полномъ вооруженіи, и турьменскій аргамакъ его роетъ отъ нетерпѣнія копытомъ землю; казаки все въ строю.—Что же за причина такой медленности, когда каждый часъ, каждая минута дорога? Известно что: Струняшевъ не осмотрѣлъ еще отряда. Вотъ онъ ходитъ по рядамъ казаковъ, осматриваетъ ихъ вооруженіе, а главное, коней. Въ это время, съ клюкой въ рукѣ вмѣсто жезла; Струняшевъ—истый фельдмаршалъ. Такъ ввѣрились въ Струняшева, что ни одна казачья партія не выѣдетъ изъ Гурьева, чтобы не осмотрѣлъ ее Струняшевъ.

— У тебя, Миша, скажетъ онъ одному изъ казаковъ, конь не годится: перемѣни его.

— Помилуй, дѣдушка! возразитъ ему казакъ.— Какъ не годится? ты развѣ не видишь, мой конь земли подъ собой не чувствуетъ, такъ и рвется впередъ, — все руки я надсадилъ, а все-таки усмирить его не могу.

— Это-то и скверно, голубчикъ, что конь твой земли подъ собой не чувствуетъ. Онъ больно жиренъ, давно неѣженъ, оттого-то слишкомъ и горячится. Ужь ты послушай меня, старика, перемѣни коня: онъ на пятой верстѣ подъ тобой задохнется,—я

вижу это по глазамъ его. Завтра на немъ хоть въ Хиву жарь—выдюжить; а теперь не годится.

— Гриша! говорить Струняшевъ другому казаку: кто тебѣ коня-то сѣдлалъ и сумки-то приторачивалъ?

— Кто! отвѣчаетъ отчасти обидчивымъ, отчасти покорнымъ тономъ Гриша,—известно кто: самъ я, а не жена.

— Вотъ то-то и дурно, говорить Струняшевъ, что не жена: она бы получше твоего, глядишь, сѣдлала. Что выпучилъ глаза-то на меня? Ты не на меня, а на себя взгляни хорошенько, такъ и узнаешь, что я говорю правду. Вонъ подпруга-то какъ далеко назадъ подалась; этакъ не годится. Лошадь, какъ почуветь щекотку, какъ разъ собьетъ съ козла: тогда ни за денежку пропадешь.—А сумки-то, сумки-то какъ привязаны, просто курамъ на смѣхъ... Эхъ, молодець, молодець! да этакъ бабы не привяжутъ. Смотри: одна сумка длиннѣй другой, она вѣдь перетянетъ сѣдло на бокъ, и спину у лошади испортитъ; тогда пойдешь, добрый молодець, пѣшкомъ въ чистомъ полѣ гулять, и сѣдло въ рукахъ носить.

— У тебя, Сысой, погонь ружейный тонокъ, примолвить Струняшевъ третьему. Чего добраго: на скаку, да еще на грѣхъ, въ дѣлѣ, пожалуй, онъ оборвется; тогда прощай винтовка,—не только басурмана поразить, а и себя защитить не чѣмъ будетъ. Подкрѣпи, хоть веревкой, погонь-то.

— А ты что, Тимоха, распустилъ стремяна-то? Вишь онѣ у тебя почестъ до земли мотаются. Гдѣ ты высмотрѣлъ, грѣховодникъ, такую моду?—Кажись въ Питерѣ или въ Москвѣ не служилъ, слѣдованно кавалеріи не видалъ, а ѣздишь истымъ гусарикомъ, право слово, гусариѳомъ.—Нѣтъ, нѣтъ, это не годится, это нейдетъ нашему брату казаку; негоже вытягивать ногу, а нужно больше сгибать, чтобы крѣпче сидѣть на сѣдлѣ.—Убавь п утлица, вотъ такъ; ну, хорошо.—Вотъ теперь хоть не красиво, да за то здорово. Теперь тебя изъ пушки ядромъ не свалишь съ лошади, а давеча стоило только ткнуть въ бокъ камышиной, такъ полетѣлъ-бы вверху-тормашкой.

— Ну, слава Богу, кажись, все исправно, за-ключаетъ Струняшевъ, когда отрядъ готовъ тронуться съ мѣста. Ахъ, постойте! постойте, атаманы молодцы! Вонъ кто это между вами, тамъ въ заднемъ ряду?—Что это за богатырь такой? Что это за чудо-юдо? Э!!!! да это ты, Кузѣмушка, ненаглядное мое сокровище, красное ты солнышко, сосновое ты яблочко! Молодецъ, молодецъ, неча сказать, молодецъ! Удралъ же ты штуку, индо курамъ на смѣхъ. Угораздилъ же тебя лукавый напаялить на себя семьдесятъ семь съ половиною халатовъ. И мать родная не скоро узнаетъ тебя, соколика, въ этомъ уборѣ. А Киргизы—что думаешь? Да Киргизы какъ увидятъ тебя, ухъ! такъ и повалятся со страху. — Страшно взглянуть на тебя, Кузинька.

Раздулся ты как сороковая бочка, сидишь на сѣдлѣ копна копной, гора горой, словно Лукаперъ-Богатырь, что голова была съ пивной котель. Думаешь, это хорошо. Нѣтъ, дружокъ, скверно! Такъ одѣваться можно только тогда, когда, Богъ дастъ, побѣдешь къ тещѣ въ гости; а ежели ѣхать на полератное, на побоище смертное, такъ нужно ѣхать на легкѣ. Ничего не видя, потъ градомъ съ тебя каптитъ, а какъ придется до дѣла, такъ ты совсѣмъ задохнешься.—Долой, пострѣль, съ коня! сбрось съ себя всѣ халаты, будетъ съ тебя и одного; ежели на первыхъ порахъ и прохватить мерозцемъ, за то въ дѣлѣ согрѣешься.

— Вотъ такъ, хорошо, прибавляетъ Струяншевъ.
— Ну, съ Богомъ, соколики, въ походъ. Да смотрите, зря, на вѣтеръ, не стрѣляйте, особенно съ коней, а работайте больше пикой. Если случится быть вамъ въ осадѣ, чего избави Боже, тогда не торопясь, по очереди, припадайте на-рѣжки, и повѣрнѣ жарьте изъ винтовокъ по басурманамъ, чтобы ни одна пуля не пропадала даромъ. Но какъ сами пойдете на сломъ (въ атаку),—такъ тутъ пика рѣдимушка, пика голубушка должна быть въ дѣлѣ. Слышите: пика, пика! она не чета пулѣ-дурѣ,—она, мое сердченько, не солжетъ!—Огъ нея у меня нетокма-что Киргизъ, да и Французъ не отвертывался.

— Эхъ-ма! старость, старость! Откуда ты взялась, не прошенная, не званная гостья? Еслибъ не